

На правах рукописи

ГОЛОВНЕВА Елена Валентиновна

**КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)**

Специальность 09.00.13 –
философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Екатеринбург – 2018

Работа выполнена на кафедре культурологии и дизайна
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»

Официальные оппоненты:

*Ерохина
Елена Анатольевна –*

доктор философских наук, доцент,
ФГБУН «Институт философии и права
Сибирского отделения Российской
академии наук», ведущий научный
сотрудник

*Мясникова
Людмила Анатольевна –*

доктор философских наук, профессор,
АНО ВО «Гуманитарный университет»,
проректор по научной работе

*Смирнов
Сергей Алевтинович –*

доктор философских наук, доцент,
профессор ФГБОУ ВО
«Новосибирский государственный
университет экономики и управления
(НИНХ)», заведующий Лабораторией
стратегических и форсайтных
исследований и разработок

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Хакасский
государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»

Защита диссертации состоится 14 июня 2018 г. в 10.00 часов на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.177.03 при Омском государственном педагогическом университете по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета:
http://www.omgpu.ru/sites/default/files/files/dis/6730/dissertaciya_dfn_golovneva_ev.pdf

Автореферат разослан « » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Исторически социокультурное пространство России формировалось как основанное не только на этническом, но и на региональном многообразии. Резкие перемены, произошедшие со страной в период распада Советского Союза, усугубили ее региональную контрастность и обусловили рост регионального самосознания. С 1990-х гг. в академической среде не ослабевает интерес к вопросам, связанным с изучением формирования и развития региональной идентичности, ее влияния и значения для становления национального самосознания.

Для российской гуманитарной мысли значимость данной проблематики связана, прежде всего, с попыткой выяснить, какие образы идентичности доминируют в общественном сознании, что представляют собой важнейшие референтные группы самоидентификации. От ответа на эти вопросы во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, возможности развития межкультурных коммуникаций и предотвращение культурных конфликтов. В изменчивых условиях современной реальности актуализируются именно те культурные механизмы, которые обеспечивают солидарность общностей. В этой ситуации осмысление социокультурного разнообразия региональных сообществ, их адекватное представление в дебатах и документах, потребность в определении понятий «регион» и «региональная идентичность» приобретают особое значение.

Отечественные традиции обсуждения региональной идентичности разворачиваются, как правило, на двух уровнях – теоретического анализа и концептуализации политических проектов. В процессе теоретического изучения региональной идентичности формируется значительный объем суждений о миссии того или иного региона, его символических ресурсах и, в конечном итоге, – его субъектности. В научных дискуссиях активно обсуждается вопрос о путях формирования региональной идентичности, постоянно растет число эмпирических исследований, посвященных изучению ее конкретных форм. Обращается внимание на то, что региональная идентичность, несмотря на процессы глобализации, сохраняет свое значение и выражает глубокую потребность региональных сообществ в сооружении разного рода конструктов, мифологем, которые помогают регионам выделиться и предложить миру свой отличительный образ.

Однако на фоне эмпирической констатации наличия и роста региональной идентичности растет ощущение, что многие традиционные для социогуманитарного знания подходы к ее изучению исчерпали свой эвристический потенциал, и требуется обновление методологического инструментария в осмыслении новых сюжетных линий, формирующихся на субнациональном уровне. Концепции региональной идентичности и региона, представленные на уровне частных наук в отечественном научном дискурсе, нуждаются как в корреляции российских и зарубежных исследований по этой

тематике, так и в изучении фундаментальных оснований формирования региональной идентичности. Это приводит к необходимости осмысления данной проблематики в тематическом пространстве философии культуры.

Особенно остро в современном гуманитарном знании стоит вопрос о необходимости нахождения методологии содержательного изучения региональной идентичности, позволяющей исследователям выявить и описать ее структуру. Без выделения и характеристики ключевых компонентов региональной идентичности в рамках философии культуры, без анализа образующих региональную идентичность дискурсов, невозможно представить данный феномен как специфическое когнитивное и социокультурное образование. Представление о структуре и механизмах формирования региональной идентичности служит основой для выявления всех каналов, через которые формируются и воспроизводятся в современной культуре образы «своего» региона и «других» регионов.

Специального внимания со стороны философии культуры заслуживает также проблема формирования и функционирования *сибирской* региональной идентичности. В культурном и идеологическом пространстве современной России сибирская идентичность является если и не самой выраженной и активно растущей среди форм региональной идентичности, то во всяком случае относится к числу лидирующих. Последнее десятилетие в России было отмечено проведением различных политических кампаний и акций под лозунгом “Я – сибиряк”, настойчивыми попытками сибирских территорий выработать свою концепцию региональной идентичности и создать отличительные региональные бренды. Понятие «сибирской идентичности» получило довольно широкое распространение на уровне научного дискурса, феномен «сибирского характера» стал предметом рассмотрения в художественном творчестве, в политической риторике сибирская идентичность часто рассматривается как ресурс формирования общероссийской идентичности. В XX – XXI вв. усилиями средств массовой информации представления о «сибирскости» стали даже некоторой отправной точкой для формирования в отношении к россиянам в целом стереотипов, которые непросто уходят из современных политических настроений элит и массового сознания. Все это свидетельствует о том, что сибирская региональная идентичность представляет собой сегодня значимую проблему в рамках философии культуры. Данная ситуация актуализирует необходимость для философского знания решить вопросы содержательного наполнения сибирской идентичности, предсказать возможные перспективы развития данного умонастроения. При этом особую актуальность для социогуманитарного знания приобретает сегодня поиск методов анализа сибирской идентичности.

Степень разработанности проблемы

В настоящее время проблема региональной идентичности существует как междисциплинарная и находится на стыке философии и политологии, социологии и психологии, философской антропологии и культурологии.

Основная сложность в целостном осмыслении материала по этой проблеме заключается в том, что обширный комплекс философских идей, возникших не в результате эмпирических исследований, а в результате философских размышлений, не используется для анализа региональной идентичности в той мере, в какой, на наш взгляд, это возможно. Кроме того, термин «региональная идентичность» в современных исследованиях часто сближается с понятием «имидж территории» и используется скорее в инструментальном ключе, в частности, в политической практике и для разработки региональных брендов. В диссертации феномен региональной идентичности рассматривается в ином исследовательском ракурсе, в контексте современного философско-антропологического и культурологического знания, на основе конструктивистской научно-исследовательской программы.

В научной литературе накоплен значительный опыт анализа региональной идентичности, которая осмысливается по-разному в рамках модернистской и постмодернистской концепций. Модернистское понимание региональной идентичности основано на эссенциалистском подходе и исходит из того, что ее развитие обусловлено рядом объективных внешних факторов, и идентичность носит тождественный характер у всех членов регионального сообщества. Постмодернистская концепция ставит под сомнение очевидность многих традиционных концептов, включая самоидентичность, а региональная идентичность рассматривается как непрерывный процесс самоидентификации, как результат многочисленных само- и иноприписываний, аскриптивной классификационной практики множества людей. Представители данного подхода (Б. Андерсон, Р. Брубэйкер, М. Кастельс, Ф. Купер, М. Саруп, Ч. Тилли, В. А. Тишков, Э. Хобсбаум и др.) полагают, что использование региональной идентичности в социальном взаимодействии, отнесение себя и других к определенным категориям, собственно и формирует региональные сообщества в их организационном качестве.

Для определения современного статуса региональной идентичности в рамках философии культуры необходимым является обращение к обеим данным концепциям. В широком плане исследование региональной идентичности, безусловно, оказывается связанным и с общими концепциями идентичности, рассматриваемой на индивидуальном и групповом уровне. Сюда относится обширная литература, представленная фундаментальными работами Б. Андерсона, Э. Гидденса, И. Гофмана, У. Джемса, К. Кардинера, И. С. Кона, В. В. Козлова, Ч. Кули, Д. Локка, Р. Мертона, Дж. Мида, П. А. Сорокина, Дж. Тэрнера, З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Хобсбаума, Э. Эриксона и др.

В отечественной научной литературе различные аспекты региональной идентичности рассматривались в трудах В. Я. Гельмана, Д. С. Докучаева, М. П. Крылова, О. Я. Киричек, А. С. Макарычева, О. Ю. Малиновой, В. С. Малахова, В. А. Мальковой, А. Г. Манакова, И. Я. Мурзиной,

М. В. Назукиной, С. А. Панарина, И. В. Побережникова, О. Б. Подвинцева, И. С. Семенов, Л. В. Смирнягина, С. В. Соколовского, В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой и др. В рамках реализации программы «Социокультурный проект региона», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ РАН) под руководством члена-корреспондента РАН Н. И. Лапина была предложена методология и инструментарий изучения российских регионов, обосновано использование жанра «портрета» как способа их исследования. В зарубежной литературе обращение к вопросам региональной идентичности происходило в научных трудах М. Антонич, К. Джонсон, Д. Грегори, А. Коулман, Л. Манзо, Г. Маркса, И. Нойманна, А. Пааси, Ж. Раагмаа, К. Терлоу, А. Харелла и др. Особо следует выделить исследования, обращающиеся к вопросам изучения регионального имиджа и региональных брендов и дополнивших теоретическое изучение проблемы эмпирическими данными (В. В. Абашев, Д. В. Визгалов, Т. А. Морозова, Л. А. Фадеева, Ю. Г. Чернышова и др.).

В работах этих авторов региональная идентичность была рассмотрена как особый вид коллективной идентичности, проанализированы конкретные виды региональной идентичности, эмпирическим путем были выделены ее структурные компоненты. Однако в этих исследованиях не была осуществлена корреляция концепций региональной идентичности в отечественной и зарубежной научной мысли, не была разработана методология содержательного анализа региональной идентичности.

Поскольку региональная идентичность в диссертации рассматривается с конструктивистских позиций, особенное значение для данного исследования имеют работы, в которых представлены идеи конструктивизма, в том числе, теория социального конструктивизма. Это фундаментальные исследования Б. Андерсона, Ф. Барта, П. Бергера, П. Бурдые, Ф. Варела, Л. С. Выготского, К. Гергена, Дж. Келли, Т. Лукмана, У. Матураны, Ж. Пиаже, А. Шюца и др. Следует упомянуть также работы современных отечественных философов, которые в ряде положений близки к конструктивизму, развивая идеи о неклассическом и постнеклассическом типах рациональности (В. С. Степин), неклассической эпистемологии (В. А. Лекторский, Е. О. Труфанова), социальной эпистемологии (И. Т. Касавин).

Основу для идеи конструирования региона и региональной идентичности, развиваемой в рамках исследования, составила концепция конструирования различных реальностей под авторством Н. И. Мартишиной. В рамках данной концепции дан анализ механизма конструирования множественных реальностей, а также обозначены основные принципы конструктивизма как научно-исследовательской программы. Нарботанный Н. И. Мартишиной материал позволил развить ее идеи и применить принципы конструктивизма для анализа таких социокультурных феноменов, как регион, региональная идентичность и сибирская идентичность.

Особое значение для исследуемой проблемы составили те философские и культурологические концепции, в которых наиболее полно обосновывается связь субъекта с пространством, бытие субъекта в локальной культуре. Сюда относятся, в том числе, работы по гуманитарной географии и городским исследованиям, связанные с анализом «культурных ландшафтов», «локальной культуры», «привязанности к месту», «образов места» (К. де Вит, В. Л. Глазычев, Г. В. Горнова, А. Джилберт, Т. Ингольд, Д. Н. Замятин, Н. Ю. Замятина, В. Л. Каганский, М. Конки, С. Милграм, Д. Мэсси, Р. Парк, К. Райт, Л. Роунтри, М. де Серто, В. Н. Стрелецкий, Е. Г. Трубина, Р. Ф. Туровский, Р. Шилдз и др.). Значимыми для данного исследования являются также работы феноменологического направления, связанные с анализом субъективного восприятия пространства (Б. Верлен, Э. Гуссерль, Д. Косгроув, М. Мерло-Понти, Э. Соджа, Ф. Туан, М. Фуко, А. Шюц и др.). Формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности анализируются на основе обращения к концепции различий и сосуществования форм отражения действительности в сознании субъекта (С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова, И. И. Митин, И.-Ф. Туан, Д. М. Федяев, М. Фуко и др.).

Поскольку специфика региональной идентичности во многом определяется ее субъектом, значимыми для рассматриваемой темы оказываются работы, в которых была дана характеристика региона. Исследование региона осуществлялось с опорой на философские и конкретно-научные исследования, среди которых особое место занимают работы политологов (М. Китинг, А. С. Макарычев, М. В. Назукина, И. Нойманн, И. С. Семененко и др.), географов (В. Л. Каганский, М. П. Крылов, Б. Б. Родоман, Л. В. Смирнягин, Дж. Харт и др.), социологов (Л. Вирт, Л. Уорнер, А. Ф. Филиппов, Р. Шилдз и др.) и экономистов (Н. В. Зубаревич, Б. Л. Лавровский, В. И. Суслов, А. И. Трейвиш и др.). Особенность данных исследований состоит в том, что они характеризуются отсутствием единого подхода к пониманию региона и изучением его каждой дисциплиной на основе одного из аспектов явления.

Развитие методологического аппарата социально-культурных исследований и наблюдаемый сегодня «пространственный поворот» в гуманитарной науке (А. Аппадурай, З. Бауман, Н. Бреннер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, М. Кастельс и др.) побудили обратиться к работам, касающимся «социального производства пространства» (Дж. Голд, Г. Зиммель, А. Лефевр, Дж. Ло, И.-Ф. Туан, А. Ф. Филиппов, Д. Харви и др.), а также к концепциям региона, рассматривающих его как социальный и культурный конструкт. Это, в основном, новейшие исследования зарубежных авторов М. Бассина, Г. Блотефогель, П. Бэллинджер, П. Вайххарт, П. Джексона, Г. Зиммербауэра, Р. Йенкиса, Г. Кибриб, Л. фон Лангенхоув, К. Ломбарта, Г. МакЛеод, Л. Манзо, А. Мерфи, И. Нойманна, А. Пааси, Г. Раагмаа, К. Рот, Ф. Содербаум, Ф. Шартон-Ваше, Д. Фиаловой, М. Хальбвакса, Б. Хеттне и др., многие из которых не переведены на русский язык.

Поскольку исследование выполнено на материале сибирской идентичности, особое значение для диссертации имеют работы прикладного характера, в которых рассматриваются вопросы, связанные с сибирской идентичностью и сибирским характером, дается представление об их основных признаках и факторах формирования. В литературе эта проблематика рассматривается в конкретно-научных исследованиях социологов (А. А. Анисимова, Е. Е. Дутчак, О. Г. Ечевская, М. Я. Рожанский, Н. В. Сверкунова и др.), этнологов (М. Л. Бережнова, М. В. Васеха, М. А. Жигунова и др.), историков (А. О. Бороноев, С. А. Красильников, Е. И. Красильникова, Я. Кусбер, В. А. Ламин, И. В. Нам, А. В. Ремнев, В. Сандерленд, Н. Г. Суворова, Н. Н. Родигина, В. В. Шевцов и др.), филологов (К. В. Анисимов, Н. Н. Курдина, А. М. Литовкина, Е. Н. Савельева и др.). Вопросы, касающиеся сибирского областничества, как актора конструирования сибирской идентичности, проанализированы на основе обращения к трудам А. Э. Зайнутдинова, Д. А. Михайлова, А. В. Ремнева, М. В. Шиловского и др., а также к сочинениям самих областников (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев). Для раскрытия структуры сибирской идентичности, ее дискурсивных форм, рассматривается та литература, которая позволяет эксплицировать тему «сибирскости» в текстах мифологического, религиозного, художественного содержания (К. В. Анисимов, В. П. Астафьев, Дж. Кеннан, Н. В. Ковтун, А. И. Разувалова, С. У. Ремезов, Т. Л. Рыбальченко, М. Тарковский, В. И. Тюпа и др.). Косвенно оказались связаны с темой исследования, но, безусловно, также оказали на него влияние работы, в которых дан анализ визуальных источников для конструирования образа региона (И. П. Басалаева, А. В. Головнёв, М. Ю. Рожанский, Е. Н. Савельева, О. Э. Саркисова, А. А. Ситникова и др.).

В целом, степень разработанности проблемы по сибирской идентичности может быть оценена следующим образом. При обширном комплексе исследований по частным сюжетам затрагиваемой тематики, проблема конструирования сибирской идентичности и ее структуры не являлась предметом целостного философско-антропологического и культурологического анализа. Особенность исследований по сибирской идентичности заключается в том, что они останавливаются в точке признания ее ключевой роли для формирования регионального сообщества сибиряков, структурные компоненты сибирской идентичности выделяются в этих работах эмпирическим путем и могут быть оспорены, в силу чего содержательный анализ данного феномена оказывается недостаточным.

Таким образом, несмотря на устойчивый интерес к проблемам региональной идентичности в целом, сибирской идентичности в частности, можно утверждать, что в современной исследовательской практике не разработана еще методология содержательного изучения этих феноменов, отсутствует корреляция между результатами теоретических и прикладных исследований в этой области. Конструктивистская исследовательская

программа в отечественной философской мысли до сих пор последовательно не применялась для раскрытия природы и сущности региональной идентичности и ее конкретной формы – сибирской идентичности.

Объектом исследования является региональная идентичность в современной культуре.

Предметом исследования является процесс конструирования региональной идентичности как сложного, многоуровневого феномена.

Проблема исследования заключается в необходимости цельного осмысления региональной идентичности (и ее сибирской разновидности) как конструируемого социокультурного и когнитивного феномена. Данная проблема может быть конкретизирована в следующих вопросах: как изменилась трактовка понятий «регион» и «региональная идентичность» в контексте новой пространственной парадигмы; что представляет собой региональная идентичность как социокультурный конструкт; каковы акторы и параметры ее конструирования; какие компоненты можно выделить в структуре региональной идентичности и как можно обозначить формы ее дискурсивной репрезентации; какова природа и содержание сибирской идентичности?

Целью исследования выступает концептуализация содержания региональной идентичности как конструируемого феномена и применение полученных выводов для изучения сибирской региональной идентичности.

Задачи исследования:

1. Уточнить концептуальное содержание понятия «регион» в научном дискурсе и выявить изменение статуса этого понятия в контексте новой пространственной парадигмы.
2. Сформулировать особенности понимания региона как социального конструкта, указать параметры его конструирования и дать представление о способах его репрезентации в культуре.
3. Зафиксировать когнитивную и социальную возможность региональной идентичности, раскрыть ее значение, уровни бытия в современном социокультурном контексте.
4. Выявить концептуальное содержание региональной идентичности, выделить ее структурные компоненты и охарактеризовать формы ее дискурсивной репрезентации в культуре.
5. Обосновать применимость конструктивистского подхода к проблеме сибирской идентичности и определить основные направления ее исследования.
6. Разработать модель структурирования сибирской идентичности и дать содержательный анализ ее структурных компонентов.

Методологические основания диссертационного исследования

Логика исследования выстраивалась с опорой на *конструктивистскую научно-исследовательскую программу*. Отправной идеей всех конструктивистских теорий является признание того, что субъект не только «создает что-либо», но и «создает план чего-либо», то есть моделирует

объекты в идеальном и реальном плане. В результате конструирования могут возникать как материальные объекты, обладающие субстанциональностью (предметное конструирование), так и объекты идеальные (идеи, образы, концепты, нормы), которые могут быть реальными в значительно большей степени, чем сами объекты в их непосредственном бытии (когнитивное конструирование).

В рамках социального конструктивизма этот принцип реализуется следующим образом: наблюдатель неотделим от объекта наблюдения, субъект не просто пассивно или активно отражает реальность, а выстраивает/формирует ее (идеально и предметно) посредством языка и культурных систем. Итогом социального конструирования (по аналогии с техническим) является создание структурированных объектов социальной реальности, предназначенных для выполнения определенных функций и способных действовать заданным образом до некоторой степени автоматически, согласно опредмеченной в их конфигурации схеме действия (теория социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана).

В методологическом плане конструктивизмом задается необходимость устанавливать круг факторов, параметров конструирования возникающего объекта (его внутренних и внешних детерминант), а также необходимость анализа того, как на основе этих параметров создается целостность объекта. Поскольку конструирование изначально ориентировано на рассмотрение объектов как систем, состоящих из элементов, которые также обладают внутренним устройством, и являющихся частью еще более сложных систем, организованных другими закономерностями, в диссертации конструктивистская парадигма дополняется *системным* подходом. Кроме того, конструктивизм, как исследовательская программа, включает в себя *структурный* подход, поскольку конструирование специально акцентирует внимание на возникающей структуре объекта, уровнях его бытия, подразумевает установление принципов его внутренней организации, позволяющих объекту функционировать с обеспечением заданных параметров.

Применительно к изучению региональной идентичности в диссертации данные установки реализовались как требование рассматривать идентификацию субъекта с определенным регионом (например, «Я – сибиряк») лишь как отправную идею, требующую дальнейшей концептуализации и обоснования. Для экспликации содержания региональной идентичности необходимо было проанализировать, из каких компонентов (уровней, дискурсов) она формируется, откуда происходит в культуре каждый из этих компонентов и какими средствами он поддерживается. В диссертации конструирование региональной идентичности рассматривается по существу как создание ее концептуальной модели, направленной на поддержание и воспроизводство привязанности регионального субъекта (социума, личности) к своей территории в контексте современной культуры.

Использование в качестве базовой категории понятия «региональной идентичности» в социокультурном контексте, а также сопряженных с ней концептов «культурно-географический образ», «культурный ландшафт» (cultural landscape), «привязанность к месту» (place attachment), «репрезентация места» и т.п. обусловили обращение к подходам, сформировавшимся в русле культурной/гуманитарной географии, социологии пространства, локальной истории и культурологии. Методологические разработки в рамках этих направлений позволили включить в исследование региональной идентичности новые сюжеты, как в плане понимания ее природы, так и в плане изучения ее структурных компонентов. В частности, эвристические возможности культурно-географического подхода способствовали рассмотрению вопроса о динамике образов в сибирской идентичности, ее ценностно-нагруженных нарративах, экспликации понятия «чувство места» и характеристики поведенческих стратегий сибиряков.

Необходимость выделения форм дискурсивной репрезентации региональной идентичности побудила обратиться к *методу дискурсивного анализа*. В рамках этого подхода предполагается, что, формируясь и развиваясь под воздействием определенного социума и культуры, дискурсы, как системы представлений и речевых высказываний, сами оказывают на них влияние, вербализуя актуальные для сообщества смыслы и конструируя общественное сознание. В процессе построения дискурса неизбежно происходит активизация определенных правил мышления и возникают конкретные языковые формы (М. Фуко). В диссертационной работе этот подход помог объяснить особенности функционирования региональной идентичности в современной культуре. Метод дискурсивного анализа позволил также рассмотреть региональную идентичность как социокультурный феномен, который конструируется и становится реальным во многом благодаря дискурсивной практике. В качестве источников анализа дискурсов сибирской идентичности в исследовании использовались данные социологических опросов, художественной литературы, визуальных и архивных документов, а также работы экспертов, рефлексирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

Значимыми для исследования оказались также некоторые общелогические методы и принципы. В частности, использовался *принцип дополнительности*, в котором проявляется единство специально-научного и философского подходов к изучению региональной идентичности. Региональная идентичность в диссертации рассматривалась с учетом научных разработок, полученных в сфере социальной антропологии, этнологии, социологии, политологии, истории, визуальной антропологии, культурологии. Конкретные исследования, выполненные методами этих наук, использовались в работе для построения собственно философских обобщений и выводов, для решения фундаментальной философской

проблемы – бытие субъекта в (региональной) культуре.

Поскольку исследование было направлено на выявление структурных компонентов региональной идентичности в диссертации использовался *аналитический метод*. Последовательное движение от построения концептуальной модели региональной идентичности к описанию конкретного социокультурного феномена (сибирской идентичности) обусловило использование *метода восхождения от абстрактного к конкретному*. Необходимость применения концептуальных оснований исследования, полученных для одного объекта (региона), к другому, связанному с ним (региональной/сибирской идентичности), обусловила значимость использования *метода экстраполяции*.

Основная идея диссертационного исследования заключается в рассмотрении региональной идентичности как сложного, комплексного, многоуровневого явления, складывающегося в процессе взаимодействия регионального сообщества и его членов с определенной территорией их проживания и формирующегося под воздействием политического, экономического, исторического и социокультурного факторов.

Научная новизна исследования

1. Выявлена тенденция перехода в понимании онтологического статуса региона от эссенциализма к конструктивизму в современных социогуманитарных исследованиях.

2. Разработана концепция понимания региона как социального конструкта, определены возможные параметры его конструирования (территориальный, институционально-политический, экономический, культурный, исторический) и показаны способы репрезентации региона в культуре.

3. Выведен существующий в социокультурном знании дискурс региональной идентичности и показана его недостаточность. Осуществлена концептуализация региональной идентичности как конструируемого феномена и особой формы индивидуальной и коллективной идентичности. Показано соотношение национальной идентичности (как политико-государственного и идеологического образования) и региональной идентичности (как конструируемого на основе территориальной общности поликультурного феномена).

4. Предложена четырехаспектная модель структурирования региональной идентичности, которая включает когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты, как каналы конструирования и функционирования региональной идентичности в современной культуре.

5. Показано, что в содержательном плане региональная идентичность образована дискурсами мифологического, религиозного, художественного, политического и философского характера, определяющими ментальный, дискурсивный модус ее бытия. Обосновано значение политического дискурса в позиционировании региона и

формировании его имиджа, а также роль философского дискурса в оформлении «мы-концепции» на уровне региональных культур. Выявлена логическая сторона мифологической, религиозной и художественной формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности и показано место каждой из них в ее функционировании.

6. Выведенная методология проверена на осмыслении сибирской региональной идентичности. Разработана модель структурирования сибирской региональной идентичности и дан содержательный анализ ее компонентов: *когнитивного* – стихийно и целенаправленно создаваемых образов Сибири и сибиряков; *ценностного* – ценностных ориентаций, связанных с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим, ментально-психологическими нарративами; *чувственно-эмоционального* – социокультурных смыслов, обеспечивающих выраженную эмоциональную привязанность сибиряков к месту своего проживания; *регулятивного* – системы регулятивов, обеспечивающих предрасположенность сибиряков к конкретным поведенческим стратегиям и культурным практикам. Показано, каким образом мифологический, религиозный, художественный, научный и политический дискурсы, как факторы структурного порядка, поддерживают разнообразие сибирского регионального дискурса.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В настоящее время, благодаря обновлению методологического инструментария гуманитарных исследований и новому пониманию пространства, наблюдается переход в характеристике онтологического статуса региона от эссенциализма к исследовательской программе социального конструктивизма. Регион рассматривается не как устойчивое территориальное образование, функционирующее на основе действия объективных факторов, а как социальный конструкт.

2. Элементами «сборки» региона в сознании субъектов являются институционально-политический контроль, экономическое развитие, культурная стандартизация и общность исторического прошлого региона. Территориальность приобретает специфическую размерность в зависимости от параметров конструирования, а любое ее измерение обеспечивает (реальную или воображаемую) внутреннюю гомогенность территории. Необходимость дистанцирования определенного регионального сообщества от других сообществ и позиционирование регионов в социокультурном пространстве обуславливают возникновение множественных форм региональной репрезентации.

3. Региональная идентичность является не только свойством индивида и группы соотносить себя с определенной территорией, но и представляет собой некое качество, которое активно конструируется и репрезентируется на уровне индивидуального и коллективного сознания. По форме существования региональная идентичность во многих аспектах оказывается изоморфной национальной идентичности, но, в отличие от последней,

напрямую не сопряжена с политико-государственными и идеологическими характеристиками, а является поликультурной и выстраивается на основе территориальной общности.

4. Результирующая модель структуры региональной идентичности предстает как двухосновная. С одной стороны, она образует собой четырехаспектную модель, включающую когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты. В этом плане содержание региональной идентичности составляют: стихийно формирующиеся и целенаправленно создаваемые культурно-географические образы; ценностные ориентации и оценочные суждения, имеющие нарративный характер и конструктивистскую природу; культурная историческая память; «чувство места» и разного рода эмоциональные реакции на место проживания; система регулятивов, обеспечивающих способы поведения и практики ориентирования в региональном пространстве. С другой стороны, структуру региональной идентичности можно рассматривать, как образованную дискурсами различного характера (мифологическим, религиозным, художественным, политическим, философским), которые обеспечивают формы ее репрезентации в культуре.

5. Границы Сибирского региона, как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием, связываются с конкретными носителями сибирской идентичности. Существование оформленных конвенциональных способов говорения о *сибирском*, апеллируя к которым, субъект может артикулировать собственную сибирскую идентичность, обеспечивает ее функционирование в культуре в качестве конструкта. Сибирская региональная идентичность не сводится к декларациям «Я – сибиряк», она представляет собой сложное структурное образование.

6. Четырехаспектная структура сибирской идентичности включает в себя: 1) образы Сибири и сибиряков, исторически стихийно сконструированные на уровне обыденного сознания и являвшиеся предметом целенаправленной, специальной разработки на концептуальном уровне (в деятельности сибирских областников и др.) – *когнитивный* компонент; 2) ценностные ориентации, связанные с природно-ландшафтным, топонимическим, переселенческим, этнокультурным, историческим, ментально-психологическими нарративами – *ценностный* компонент; 3) сложную систему значений и смыслов эмоциональной привязанности к своему месту, включающую как чувство гордости за историческое прошлое своего региона, любовь к своей земле и ее природе, так и чувство региональной социально-экономической ущемленности и конкуренции – *чувственно-эмоциональный* компонент; 4) предрасположенность к действиям, конкретные поведенческие стратегии и практики сибиряков (взаимодействие с природой и освоение пространства, солидарность, коммеморативные и перформативные практики) – *регулятивный* компонент.

7. Факторами, которые поддерживают разнообразие сибирской идентичности и одновременно являются формами ее дискурсивной

репрезентации выступают мифологический, религиозный, художественный и политический дискурс о Сибири и сибиряках. Целостность образов сибирской идентичности обеспечивается вербальными и визуальными источниками, формирующими особый «сибирский текст».

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается:

- в апробации, расширении и адаптации исследовательской программы конструктивизма на материале региональной идентичности и ее конкретной разновидности (сибирской идентичности), в формировании теоретических условий для синтеза различных прикладных исследований в сфере изучения региона и региональной идентичности; в возможности развития методологического аппарата социально-культурных исследований;

- в перспективе использования полученных материалов для разработки учебных курсов, связанных с социально-философским анализом современной российской ситуации, философией культуры, философской антропологией, регионалистикой, социальной эпистемологией, для разработки имиджевых проектов отдельных регионов и субъектов РФ.

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования доведены до сведения научной общественности на конференциях, семинарах, конгрессах различного уровня, в том числе: международной научной конференции “Reassessing religion in Siberia and neighbouring regions” (Халле, Германия, 2006); международном научном семинаре «Альтернативная культура: новые подходы в развитии преподавания и исследования» (Будапешт, Венгрия, 2007); международной научной конференции “Multiple moralities in contemporary Russia: religion and transnational influences on shaping everyday life” (Халле, Германия, 2008); международном научном семинаре «Религиозная география, символические ландшафты и религиозные движения» (Будапешт, Венгрия, 2010); международном междисциплинарном семинаре «Европейская идентичность» в ЕС и России: повседневность и публичный дискурс» (Казань, 2012); международной научной конференции «Culture in Mind. Mind in Culture» (Сеул, Корея, 2014); международной научной конференции “Religion in floating territories” (Люблин, Польша, 2014); международной научной конференции «Многообразие российской модерности: религия, государство и подходы к плюрализму в российском контексте» (Москва, 2014); XI и XII Конгрессах антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015; Ижевск, 2017); международной научной конференции «Азиатская Россия: люди и структуры империи» (Омск, 2015), VI международной конференции молодых исследователей Сибири «Сибирь в движении: поколения и субъекты действия» (Иркутск, 2016), международной научно-практической конференции «Коммуникационные тренды в эпоху множественных модерностей: разрывы и сопряжения» (Екатеринбург, 2016), международной научно-практической конференции «Nation-building and nationalism in today`s Russia (NEORUSS)» (Таллин, Эстония, 2016);

всероссийской научно-практической конференции «Роль визуальных источников в изучении региональной истории» (Сыктывкар, 2016), международном научном семинаре «Советский экран: игровое и документальное кино как инструмент конструирования реальности» (Иваново, 2016) и др. Исследование проходило апробацию также в рамках участия автора в международном научно-исследовательском проекте «Alternative Culture Beyond Borders: Past and Present of the Arts and Media in the Context of Globalization» (2007 – 2010 гг., участник), международной научной летней школе «Religion, Culture and Society» (Антверпен, Бельгия, 2012, участник), международной научной летней школе «Societies in Transition – Former Soviet Union and East Central Europe between Conflict and Reconciliation» (Йена, Германия, 2014, участник), научной группе «Открытый город: от теоретических концепций к инновационному проектированию» (2014 – 2017 гг., Уральский федеральный университет, исполнитель), а также в рамках реализации гранта РФФИ (№ 16-33-01038) «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)» (2016 – 2017 гг., руководитель).

Структура и объем исследования

Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, содержащего 580 наименований. Работа изложена на 339 страницах компьютерной верстки.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, определяется состояние разработанности проблемы, указываются методологические основы работы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Первая глава «Регион: критическое прочтение концепта в контексте теории социального конструктивизма» посвящена рассмотрению проблемы переосмысления онтологического статуса региона в современных социогуманитарных исследованиях, а также определению принципов понимания региона как социального конструкта.

В первом параграфе «Концепт «регион» в научном дискурсе» обращается внимание на описание и систематизацию дисциплинарных подходов к пониманию региона, сложившихся в современных научных исследованиях. Отмечается, что в настоящее время активное обсуждение концепта «регион» в академической среде разворачивается на фоне осмысления процессов глобализации, перемасштабирования государств, появления концепций «нового регионализма» и «изобретения» региональных культур. В условиях повышенного внимания со стороны исследователей к формированию и функционированию территориальных образований разного уровня становится интересным по-новому изучать регионы, учитывая их рост и разнообразие в современной культуре.

Сложившиеся в частных науках подходы к определению региона выявляют его многоаспектность, однако отличаются разнонаправленностью и слабой корреляцией между собой.

Так, в научных дисциплинах устойчивый интерес к региону присутствовал, прежде всего, в рамках географии. Географами использовался «хорологический» принцип (известный еще в античности), предусматривающий коллекционирование географических фактов, которые систематизировались в описании рельефа, местоположения, населения, ресурсов определенной территории, а регионы рассматривались как природно-географические образования. В работах экономистов регион, как правило, являлся частью экономической системы государства и анализировался на основе его расположения в территориальном разделении труда с характерным режимом функционирования товаров и услуг и типом социально-экономических проблем. Политологи традиционно рассматривали регион как административную единицу государства, с действующими в ее рамках региональными властными институтами, как продукт действия региональных элит или объект создания со стороны государства. В исследованиях социологов регион выступал как место социального взаимодействия, в ходе которого формируется региональное сообщество, включенное в «игру социальных сил». Отечественная этнология долгое время основное внимание акцентировала на изучении этноса и этнической территории, а обращение к региональному контексту осуществлялось либо в рамках теории хозяйственно-культурных типов, либо в концепции локальных культурных комплексов (идеи Н. И. Толстого). Изучение территориальных единиц (коммун, городов, исторических земель, регионов) в этнологии было связано, прежде всего, с французской традицией (идеи В. де ла Бланша и Ф. Броделя), в которой регион рассматривался как особое культурное пространство, формирующее жизненную среду человека.

В целом, ретроспективный анализ изучения регионов показывает, что понятие «регион» в научных исследованиях постепенно и закономерно превратилось в понятие, обладающее не только географическим, но и экономическим, социальным, политическим и культурным смыслом. Получила развитие эссенциалистская дефиниция региона, трактующая его как естественную и очевидную реальность, складывающуюся на основе объективно существующих факторов. Необходимость обращения к проблеме нового понимания региона на современном этапе формируется потребностью поиска системного принципа исследования региональных феноменов в рамках философии культуры, а также учета новых реалий и контекстов их бытования.

Во втором параграфе «Регион: переосмысление понятия в контексте новой пространственной парадигмы» выявляется ретроспективная тенденция переосмысления понятия «регион» в философии культуры, обозначается его современный понятийный статус, а также возможные перспективы его изучения.

Если современному типу культуры были свойственны идеи «контейнерного» способа организации пространства, деления на государства и подчинения им регионов, то обновление методологических подходов в т. н. «критических исследованиях» в рамках постмодернизма приводит к формированию новой пространственной парадигмы (А. Аппадурай, З. Бауман, Н. Бреннер, П. Бурдье, Э. Гидденс, М. Кастельс, Д. Мэсси и др.). Она исходит из того, что пространство в современной культуре утрачивает статичность и четкое масштабирование, а в центре внимания социальных теоретиков оказываются более динамичные и контекстуально зависимые явления. Применительно к концепту «регион» в связи с этим обозначаются следующие тенденции его понимания:

1) утверждение взгляда на регион как на воображаемый, конструируемый посредством нарративов феномен, «геоконцепт»;

2) усиление сомнения в существовании объективных регионообразующих факторов (природно-климатических, ландшафтных, культурных и пр.) и рост значимости в структуре региона «нефизических параметров», субъектного начала;

3) переосмысление сопряженного с регионом понятия «граница», которая является формообразующим моментом в порождении регионального сообщества, и которая в современной культуре все больше приобретает символическое значение и становится, по выражению Г. Зиммеля, мысленным, социологическим явлением;

4) переход от рассмотрения региона как «объекта-в-себе» к региону как открытой структуре и системе отношений, функционально связанной с другими уровнями (space in-between). Одним из главных качеств региона оказывается, в частности, его расстояние до других регионов, существенных для него;

5) осмысление региона в терминах «культурного ландшафта», как определенной структуры, «жизненного мира», в значительной степени предписывающего способы мышления и поведения людей.

На фоне этого эссенциалистская дефиниция региона неизбежно подвергается критике в современных гуманитарных исследованиях, а в его характеристике усиливается роль субъектного начала и выявляется конструктивистская природа. В целом, несмотря на процессы «рассеивания» и фрагментации регионов в современной культуре, регион продолжает сохранять устойчивость (в символическом и экзистенциальном плане) как специфическое территориальное сообщество и как пространственный концепт. Учитывая необходимость поиска «объяснительного описания» региона, актуальными методологическими подходами в его исследовании в настоящее время могут стать подходы культурной/гуманитарной географии (cultural geography) и социального конструктивизма. С одной стороны, в этих подходах очевидным образом обнаруживается тенденция к смещению интереса от изучения региона «самого по себе» к выявлению его значимости для жизни субъекта. С другой стороны, эти подходы ориентированы на

обнаружение множественного и гетерогенного в региональном культурном пространстве и, следовательно, способны включить в себя новые сюжетные линии осмысления региона.

Третий параграф «Регион как социальный конструкт» посвящен рассмотрению концепта «регион» в контексте теории социального конструктивизма и обоснованию понимания конструктивистской природы региона.

Рассуждая о регионе с конструктивистских позиций, термин «социальный конструктивизм» в диссертации предлагается понимать в единстве следующих отношений. С одной стороны, социальный конструктивизм выступает в качестве *теории*, базирующейся на идеях: а) неотражательной, конструктивной природы познания, б) понимания реальности как смысловой конструкции, в) обусловленности процедур классификации окружающего мира социальными взаимодействиями и культурно-историческим контекстом. Термин «конструкт», следуя идеям П. Бергера и Т. Лукмана, определяется как способ истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные схемы, посредством которых субъект познает мир.

С другой стороны, социальный конструктивизм может быть рассмотрен в качестве *научно-исследовательской программы* изучения пространственных объектов. Данная методологическая программа ведущую роль в создании пространственных образов отводит активности субъекта, который использует специальные приемы (в том числе, рефлексия) для построения образа объекта. Идеи об активной роли субъекта в создании пространственных образов, обозначенные еще в философии И. Канта, в настоящее время получают развитие в направлении т.н. «критических исследований» в культурологии, социологии и антропологии (Дж. Валентайн, Б. Верлен, Д. Н. Замятин, Э. Соджа, И. Туан, А. Ф. Филиппов и др.). Согласно этому направлению, все способы восприятия пространства являются важными элементами знаний субъекта о пространстве и способами его конструирования. Конструктивизм предполагает также, что в ходе конструирования пространственных объектов создаются внутренне структурированные пространственные образы, функционирование которых осуществляется на основе заложенных при их формировании принципов. На функционирование пространственных образов активное влияние оказывают культурные (в том числе медийные) конструкты.

Представляется, что применительно к изучению концепта «регион» конструктивизм открывает в философии культуры новые перспективы его анализа, позволяющие продвинуться существенно дальше эмпирических констатаций существования регионов.

Во-первых, в контексте социального конструктивизма регион перестает мыслиться как самоочевидная реальность, для которой необходим

неизменный набор качеств и свойств, а приобретает значение социально-политического и социально-культурного конструкта.

Во-вторых, описание региона разворачивается как процесс деятельности, осуществляемый региональными субъектами, который состоит в интерпретации различий между региональными сообществами, в формировании их «символических» границ и «изобретении традиций».

В-третьих, формируется представление о регионе как коллективном дискурсе, обнаруживающем себя на уровне специализированного (научного, политического) и обыденного сознания.

В-четвертых, на первый план выходит характеристика региона как «воображаемого сообщества» (Б. Андерсон), в котором большие и распределенные группы людей схватываются как целостность исключительно в воображении субъекта, и восприятие которых в культуре постмодерна часто зависит от технологий масс-медиа.

Таким образом, в контексте теории социального конструктивизма формирование региона приобретает черты процесса, связанного с целенаправленной деятельностью субъекта. Регион предстает как социальный конструкт, обладающий собственной структурой, как специфическая форма пространственного восприятия, конструируемая на уровне коллективного и индивидуального сознания.

Рассуждая о регионе как социальном конструкте, однако, следует иметь в виду, что в качестве возможностей конструирования региона выступают все же определенные культурные и исторические предпосылки развития территории, своеобразный «строительный материал», на который позднее наслаиваются идеи и представления о регионе (позиция т.н. «мягкой формы» конструктивизма). Учитывая это, наиболее перспективными моделями регионального изучения в настоящее время оказываются именно те концепции региона, которые учитывают дополненность внутренних и внешних детерминант по отношению друг к другу.

Четвертый параграф «Параметры конструирования региона и проблема его репрезентации» затрагивает актуальные вопросы выделения параметров конструирования региона в сознании субъекта и возможных форм репрезентации региона в современной культуре.

Следует обозначить несколько пространственных маркеров, параметров, которые предполагают и взаимно обуславливают друг друга при конструировании региона: *политический, экономический, исторический и культурный*. Территориальность в этом контексте является не независимой переменной, обуславливающей существование тех или иных измерений, а опосредующим фактором, благодаря которому остальные факторы постигаются и наделяются смыслом.

Конструктивизм, как исследовательская программа, рассматривает эти параметры не просто как свойства, присущие самому объекту (региону), а делает акцент на отображении этих свойств в сознании субъекта, и, в конечном итоге, языке. В результате мы имеем дело с различными типами

рассуждения о регионе, каждый из которых высвечивает новую грань содержания этого концепта. В итоге регион концептуализируется как объект системного типа, со своей структурой и внутренними взаимосвязями его элементов.

Политический параметр конструирования региона связан с постепенным административным его «отсечением» от других регионов и нахождением им собственных управленческих центров и институтов (система образования, политические институты, медиа), которые устанавливают «символические» границы, регулируют и контролируют социальную жизнь в регионе. Отмечается, что отграничение региона в пространстве исторически производилось субъектами прежде всего с помощью процедуры наименования (или смешанных наименований), наиболее очевидные из которых – карты и путеводители. В политическом отношении регион может играть роль участника, способного четко сформулировать и преследовать общие интересы в государственной и глобальной системах. Заклучая в себе некоторые свойства государства, регион, тем не менее, отличается от последнего, поскольку предстает как управляемая, но не имеющая суверенитета территория, которая также может не иметь и четкого географического масштаба.

Экономический параметр конструирования региона задает его выделение в сознании субъекта в качестве определенной экономической зоны или экономического района. Доминирующим образом восприятия региона в таком ракурсе долгое время был образ «региона-производителя», существование которого поддерживалось определенной специализацией производства, а также особым местом региона в социально-экономическом комплексе государства. Отмечается, что в результате глобальной экономической реструктуризации и технологических сдвигов в культуре постмодерна данный образ утрачивает свое значение в качестве лидирующего и актуализируется понимание региона как пространства конкурентной борьбы за экономические ресурсы и «человеческий капитал». В зависимости от экономического параметра конструирования выделяются также сильные/центральные и слабые/периферийные регионы, оказывающиеся по-разному включенными в экономику страны и обладающие разной степенью «свободы» от национально-государственных ограничений.

Культурная стандартизация региона задает еще один параметр его конструирования и позволяет рассматривать регион как уникальную совокупность социальных, материальных, темпоральных отношений и ассоциативных значений, связанных с повседневным опытом человека, как особое «жизненное пространство». Это пространство в современной культуре выглядит гетерогенным и может включать в себя мифологическую, архитектурную, текстуальную, виртуальную и др. размерность.

Наконец, исторический параметр (общее историческое прошлое регионального социума) также вносит значимый вклад в конструирование

региона и его субъективное восприятие. Благодаря историческому наследию, материальный мир регионального сообщества становится символически насыщенным, а собранная в регионе «множественность историй» (Д. Мэсси) формирует коллективную память, репрезентированную в ритуальных практиках. В культурной памяти регионального сообщества реальная история трансформируется в историю «воображаемую» и превращается в миф (Я. Ассман). Как «воображаемое общество», регион в современной культуре поддерживается системой исторических и мифологических конструктов.

Важной характеристикой региона как социального конструкта является также то, что он приобретает определенность лишь в отношении с другими регионами. Здесь возникает вопрос о его представленности *Другому*, или проблема его репрезентации. Отмечается, что вопрос о репрезентации пространства, впервые поставленный в трудах французского философа-неомарксиста А. Лефевра, в настоящее время активно обсуждается в философии культуры. Репрезентации выявляют определенные стороны существования региона и, в этом плане, создают, конструируют его. С одной стороны, репрезентации обуславливают появление различных «региональных текстов» в культуре, которые возможно исследовать посредством письменных и визуальных источников. С другой стороны, репрезентации позволяют регионам включаться в борьбу, направленную на внешнее признание своей особенности и исключительности. В диссертации делается вывод о том, что в современной культуре онтологический статус региона раскрывается именно посредством его «картографических», «политических», «исторических», «знаково-символических» и «виртуальных» репрезентаций.

Во **второй главе «Региональная идентичность в меняющемся мире»** рассматривается специфика региональной идентичности на уровне коллективного и индивидуального субъекта, анализируются ее основные структурные компоненты и способы функционирования в современной культуре.

В **первом параграфе «Региональная идентичность как социокультурный феномен»** уточняется когнитивная и социальная возможность региональной идентичности, осуществляется ее концептуализация, рассматриваются способы ее бытия и выявляются отличия между региональной и национальной идентичностью.

Отмечается, что необходимость комплексного анализа содержания и характерных особенностей региональной идентичности на современном этапе вызвана, как переосмыслением онтологического статуса региона, так и все более частым сближением региональной идентичности с понятием «имидж территории». Для концептуализации термина «региональная идентичность» предлагается обратиться к рассмотрению понятийно-категориального аппарата, связанного с ее проблемно-теоретическим полем,

и одним из базовых понятий в этой связи оказывается концепт «идентичность».

В диссертации идентичность определяется как переживание субъектом тождественности, определенности и целостности, а единицей ее анализа является «образ Я». Основными критериями определения любой идентичности выступают «континуальность» и дифференциация с «Другими». В этом смысле идентичность реализует себя только в рамках конкретного социально-исторического и культурного контекста, от которого она, в конечном итоге, зависит. В современной культуре реальные или воображаемые идентичности составляют важный элемент для понимания ценностных ориентаций и поведения субъекта, его социальных координат.

Отмечается, что региональная идентичность в современной культуре представляет собой специфическую форму как индивидуальной, так и коллективной идентичности. Подобно тому, как идентичность выполняет организующую функцию в развитии субъекта на индивидуальном уровне, региональная идентичность выступает формативным признаком региона как социокультурного феномена, а чувство региональной общности маркирует его границы. В реализации региональной идентичности необходима ощущаемая специфика определенной территории и определенной группы. Региональная идентичность также связана с формированием ценностно-нормативной и поведенческой сферы регионального сообщества и его членов. Ее содержание образуется чаще нерелексивными компонентами, а проявления региональной идентичности носят несистемный характер и требуют, как правило, особого повода (например, путешествие, встреча с земляками, столкновение с «чужим» и т.п.).

Изучение региональной идентичности как формы коллективных представлений опирается в этом разделе на обращение к трем подходам в отношении коллективной идентичности в целом: эссенциализм, инструментализм и конструктивизм. Согласно этим подходам, региональная идентичность может быть осмыслена: а) как сумма характеристик, которая является результатом действия каких-то определенных причин и факторов и носит тождественный характер у всех членов группы; б) как психологическая защита группы и ее мобилизация на защиту своих интересов; в) как непрерывный процесс самоидентификации, результат договоренности между субъектами, участвующими в процессе выстраивания социальных связей. Делается вывод о том, что представленные концепции позволяют рассматривать региональную идентичность не только как свойство индивида или группы определять себя в социокультурном пространстве, но и как качество, которое активно конструируется и репрезентируется. Социальное конструирование региональной идентичности осуществляется, в первую очередь, по отношению к территории (инвариантный параметр) и, в зависимости от ведущих оснований социальной консолидации, может

выстраиваться также на основе социального, политического, исторического, языкового, этнокультурного своеобразия региона.

Национальная и региональная идентичности имеют схожие черты по форме существования (в первую очередь, общность структуры и характер дистанцирования от *Другого*), но различаются между собой в содержательном плане. В отличие от национальной идентичности, отражающей идею одной страны, с одним историческим и культурным прошлым и одним политическим будущим, региональная идентичность основана на выделении своеобразия конкретного региона, она опирается на этнокультурную специфику территории. Ее содержание составляют изменчивые идентификации, которые образуют систему конструктов. В своем конкретном выражении региональная идентичность сообщества, к примеру, может являться результатом объединения с одними группами и дистанцирования от других, быть инструментом освоения новых культурных практик, испытывать воздействие идеологических средств по формированию имиджа региона, зависеть от долгосрочных и краткосрочных факторов.

На индивидуальном уровне формирование региональной идентичности связано с процессами социализации индивида в рамках культурно-географических ареалов. Факторами, детерминирующими ее содержание, являются разделяемые представления (конструкты) об основаниях консолидации регионального сообщества (политическом, экономическом, историческом, языковом, этнокультурном). Региональная идентичность индивида не может быть сведена просто к рефлексии («Я – представитель определенного региона»), в структурном отношении она богаче, существует в различных формах (когнитивной, ценностной, эмоционально-чувственной, поведенческой) и на разных уровнях (рефлексивном и нерефлексивном). Специфическими чертами функционирования региональной идентичности в культуре являются: устойчивость воспроизводства, территориальный принцип идентификации, в содержательном плане – изменчивость и синкретичность, противопоставление иным региональным сообществам, наличие ценностей, выстраиваемых на поликультурной основе в рамках определенной системы коммуникации.

В конце параграфа делается вывод о том, что более полная содержательная характеристика концепта «региональная идентичность» может быть выявлена за счет обращения к структурированию данного феномена и анализу его структурных компонентов.

Во втором параграфе «Структура региональной идентичности» речь идет о характеристике структурных компонентов региональной идентичности.

В этом разделе предлагается понимать структуру региональной идентичности как четырехаспектную, включающую в себя когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты.

Когнитивный компонент содержит знания о регионе и географические образы, т.е. устойчивые пространственные представления о регионе,

формирующиеся на обыденном и специализированном уровне. С одной стороны, образы региональной идентичности – результат восприятия региональной культуры общественным сознанием, с другой стороны, – они являются формой концептуальной организации и интеграции представлений о регионе. Целенаправленно создаваемые образы региона, ценностно-размеченные (в позитивном и негативном плане), определяются как его *имидж*.

Ценностный компонент включает в себя переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности региональной общности и ее членов, сопровождающиеся оценкой качества собственной региональной инаковости. Отмечается, что на выстраивание и модернизацию ценностных предпочтений у региональных субъектов оказывают влияние различные регионообразующие параметры (например, степень экономического развития, культурная специфика, тип политического режима и др.). Ценностные предпочтения регионального субъекта (личности, сообщества) выражаются в символах, исторической памяти и носят гетерогенный характер.

Чувственно-эмоциональный компонент региональной идентичности предполагает наличие различного уровня эмоциональной привязанности к своему региону, а также включает в себя относительно стабильные состояния-переживания регионального субъекта (чувство родства, любви к «малой родине» и т.п.), эксплицируемые в зарубежных исследованиях с помощью термина «чувство места». Эмоциональная привязанность к месту своего проживания отличается амбивалентностью (принимает позитивные и негативные эмоциональные оттенки) и обусловлена как личной жизненной историей самого индивида, так и усвоенными им стереотипами.

Регулятивный компонент подразумевает наличие системы регулятивов, обеспечивающих предрасположенность регионального сообщества и его членов к определенным действиям, способам поведения и ориентирования в региональном пространстве. Предполагается, что в состав региональной идентичности тем самым входит целая система предписаний и норм, касающаяся повседневной культуры регионального сообщества (от способов ношения одежды до ритуалов дарения).

Данная результирующая структура позволяет анализировать региональную идентичность в философско-культурологическом смысле – как образное, ценностное, чувственно-эмоциональное, поведенческое «освоение» субъектом регионального пространства.

Третий параграф «Формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности» обращается к вопросу о способах представления и осуществления региональной идентичности в современной культуре, рассматривает ментальный, дискурсивный модус ее бытия.

Отмечается, что региональная идентичность формируется и функционирует в поле индивидуального и коллективного дискурса, зависящего от культурных практик регионального субъекта. По форме

существования в структуре региональной идентичности можно выделить мифологический, религиозный, художественный, политический, философский дискурсы, являющиеся одновременно формами ее репрезентации. В дискурсах региональной идентичности значимы не только содержательные идеи, но и свои специфические логические приемы и способы развертывания речевых высказываний.

Так, в рамках *мифологического* дискурса региональной идентичности осуществляется корреляция образа региональных лидеров с персонажами исторических мифов, происходит персонификация неодушевленных объектов (например, в суждении о том, что природный ландшафт «рождает» определенный региональный тип), средством преобразования территории является ее нейминг (наименование), артикулируется оппозиция «мы-они» (например, в отношении регионов к Центру), происходит включение и исключение «других» (например, мигрантов), осуществляется «возвышение» истории и культуры своего региона, присутствует нечувствительность к логическим противоречиям, региональные СМИ рассматриваются как инструмент борьбы с «хаосом» и т.п.

В *религиозном* дискурсе получает развитие сакрализация региональных объектов и субъектов, канонизация текстов региональной истории, обретение и почитание «святых покровителей», поиск мистических мест, характеристика деятельности региональных субъектов в терминах «жертвенности» и «подвижничества», эсхатологичность и ориентация на прошлое.

Художественный дискурс региональной идентичности в содержательном плане заключается в осознании региональными субъектами себя носителями локальной художественной традиции (устного народного и профессионального художественного творчества), а в логическом – в формировании образа региона через эмоционально окрашенные примеры и афористические обобщения, в этическом и эстетическом отношении к занимаемой территории.

Философский дискурс, при наличии интеллектуальной элиты, способной определить собственное региональное своеобразие, направлен на целостное рассмотрение региона, а также глубокое исследование его «духовного пространства». В своей философской форме существования региональная идентичность может быть определена как рефлексивная, обретаемая путем исследования текстовых и визуальных источников самого широкого спектра.

В основе *политического* дискурса лежит продвижение региона, создание его имиджа, контроль над территорией, артикуляция и защита региональных интересов.

В целом, многообразие дискурсов региональной идентичности в современной культуре часто порождает ситуацию их столкновения и конфликта. На уровне конкретных регионов, например, продолжают сохраняться противоречия между «официальным» и «низовым» дискурсом,

дискурсом городских и сельских сообществ в вопросе определения своей региональной специфики.

В третьей главе **«Сибирская идентичность в конструктивистском измерении: формирование и содержательный анализ»** рассматривается процесс конструирования сибирской идентичности и дается содержательный анализ ее структурных компонентов.

Первый параграф «Конструирование сибирской идентичности: к постановке проблемы» посвящен обоснованию рассмотрения Сибирского региона и сибирской идентичности в качестве конструкта.

Изучение Сибири с конструктивистских позиций побуждает обратиться в первую очередь к рассмотрению вопроса о ее границах. Отмечается, что сложившееся исторически многообразие определения границ Сибирского региона привело к тому, что в современной культуре обозначение границ Сибири носит не столько физический, административный или экономический, сколько историко- и культурно-географический характер. Границы Сибири оказываются не четкой линией на карте, а динамическим пространством, а сам Сибирский регион описывается через разнообразные термины («фронтирная зона», «плавильный котел», «колония России», «особая цивилизация», «Азиатская Россия» и др.). Это позволяет рассматривать Сибирь как «воображаемое сообщество» и культурный конструкт. Границы Сибири, как территориального сообщества людей с неким особым самосознанием, связываются с конкретными носителями сибирской идентичности, разделяющих концепт «сибирскости».

Статус сибирской идентичности на современном этапе может быть определен по двум основаниям. С одной стороны, концепт «сибирская идентичность» активно используется в сфере научного и политического дискурса, а сама сибирская идентичность определяется как активно растущая и выраженная в идеологическом и культурном пространстве России. Основанием для актуализации сибирской идентичности выступает, в частности, целый комплекс «вызовов» и «угроз», с которыми столкнулась современная Сибирь в экономической, политической и демографической сферах. С другой стороны, анализ существующих представлений о «сибирском» в обыденном, политическом и научном дискурсе выявляет их множественную природу и разнонаправленный характер. Сибирская идентичность может проявляться на почве этнических и религиозных процессов. Суждения о том, что значит «быть сибиряком», часто не отрефлексированы и могут быть оспорены на уровне контрпримеров. Подобная ситуация отражает необходимость философского изучения сибирской идентичности, а также поиск эффективного методологического инструментария для ее исследования.

Отмечается, что имеющиеся в этнологии и социологии исследования сибирской идентичности, эмпирическим путем фиксирующие ее рост и развитие и выделяющие индикаторы ее функционирования, не могут быть признаны в настоящее время достаточными. Выводы прикладных наук

оказываются репрезентативными для любого другого региона России, не обозначая специфики собственно сибирской идентичности. В связи с этим предлагается обратиться к методологии конструктивизма, эвристичность применения которой для изучения сибирской идентичности в философии культуры может быть обозначена по следующим параметрам:

1) конструктивизм предполагает, что границы Сибири определяются не географическими маркерами и административными рубежами, а общей идентичностью, чувством принадлежности к определенной территории;

2) конструктивистский подход описывает содержание сибирской идентичности, в том числе, учитывая в ее составе компоненты, являющиеся результатом целенаправленной социокультурной обработки (например, мифологические, медийные конструкты), поскольку, говоря о своей принадлежности к Сибирскому региону, жители Сибири, как правило, используют «вторичный», уже заранее сформированный дискурс о «сибирскости»;

3) в центре внимания конструктивистского подхода оказываются акторы конструирования сибирской идентичности (например, представители элит имперского центра, путешественники, интеллигенция, сам сибирский региональный социум) и те процедуры, с помощью которых в культуре происходила трансформация исходного образа Сибири и сибиряков;

4) конструктивизм как научно-исследовательская программа исходит из признания того, что регион Сибирь и сибирская идентичность могут конструироваться на основе разных параметров (территориального, политического, экономического, культурного, исторического), вследствие чего образы Сибири приобретают разную размерность. Сибирь также функционально связана с другими регионами, и в формировании ее региональной идентичности активно участвуют образы «других» территорий. В таком контексте и дискурс о «сибирском» рассматривается как поддерживаемый разными факторами структурного порядка;

5) конструктивистский подход признает идею постоянной трансформируемости и изменчивости региональной идентичности, что является важным в условиях формирования сибирского регионального общества, как подвижного, переселенческого, сложившегося исторически на основе разнообразного мира «сибирскости» (дальневосточники, забайкальцы, северяне, «природные» сибиряки, «идеологические» сибиряки и др.);

6) конструктивизм акцентирует внимание на значимости в сибирской идентичности ее субъектной составляющей и связан с изучением когнитивного, ценностного, чувственно-эмоционального и регулятивного компонентов в ее структуре.

Во втором параграфе «Динамика образов Сибири: когнитивный компонент сибирской идентичности» выделяется и анализируется различный по своему характеру процесс конструирования ментально-географических образов Сибири и сибиряков.

Опираясь на теорию геокультурных образов, разработанную в культурной географии, можно отметить, что конструируемые образы Сибири и сибирского регионального социума активно поддерживаются массовым сознанием, носят стереотипный характер и отличаются выраженной амбивалентностью. В новейших исследованиях, посвященных Сибири, ее описание часто включает в себя значимый семантический понятийный ряд: «азиатский аппендикс», «проклятие России» и, в то же время, – «вектор», «ресурс», «возможность России», «территория согласия» и т.п. Наличие подобных характеристик и оценок Сибири и ее жителей, варьирующихся от негативного восприятия этой территории до, в целом, позитивной ее окраски, позволяет говорить об устойчивом функционировании в общественном сознании образа «Двойной Сибири» (Д. Н. Замятин).

Вопрос об амбивалентном характере образов Сибири и сибиряков предлагается здесь рассматривать с учетом корреляции между результатами философско-культурологических и исторических исследований, в частности, в контексте двух пересекающихся процессов – повседневного, символического освоения Сибири переселенцами в процессе ее колонизации и его концептуального освоения, нашедшего выражение, прежде всего, в движении сибирских областников (Г. Н. Потанин, И. В. Федоров-Омулевский, С. С. Шашков, Н. С. Щукин, Н. М. Ядринцев и др.). Отмечается, что параметрами конструирования образа Сибири в обоих случаях являлись географическая отдаленность региона, его специфические природно-климатические условия, дистанцирование сибиряков себя от других сообществ, в первую очередь, от жителей Европейской России.

Колонизация русского населения за Урал сопровождалась «ментальным освоением» нового пространства и возникновением устойчивых пространственных нарративов. Источниками и механизмами конструирования позитивных и негативных образов Сибири и сибиряков здесь являлись, с одной стороны, личные впечатления, письма переселенцев на историческую родину, фольклор, формирование нейминга карты «Азиатской России», с другой стороны, – специально написанные для переселенцев путеводители, памфлеты, сочинения путешественников, правительственная публицистика XIX в., труды Русского Географического Общества, а также миссионерская деятельность русской православной церкви. Стихийное когнитивное конструирование образов региона дополнялось его осознанной субъективизацией. Формирующиеся пространственные образы Сибири отличались разнонаправленностью и неизбежно включали в себя культурные (мифологические, исторические, научные) конструкторы.

В отличие от «естественного» конструирования образов территории в общественном сознании, концепты «сибиряк», «сибирская природа», «сибирская литература», «Сибирь как колония» и др. стали предметом специальной, целенаправленной разработки со стороны сибирской интеллигенции (областничества и др.). В процессе концептуализации

сибирской идентичности областниками, с одной стороны, были выделены этнологические, территориальные, языковые признаки сибиряков как особой региональной группы, дано художественное описание сибирской природы; с другой стороны, – анализировались сибирские традиции, культура, формы поведения в Сибири. Сибирскими областниками был дан также комплексный анализ колониального статуса Сибири.

Делается вывод, что ментально-географические образы Сибири, получившие свое концептуальное оформление в XIX в., продолжают успешно функционировать в современной культуре в качестве конструктов.

Третий параграф «Кто такие сибиряки? Ценностный компонент сибирской идентичности» посвящен систематизации и анализу ценностей в структуре сибирской идентичности. В качестве основы для анализа здесь использованы дискурсы вокруг сибирской идентичности, сформированные на обыденном уровне, нашедшие отражение в интернет-форумах и социологических опросах, а также в работах экспертов, рефлексирующих над сибирской идентичностью в академическом, публицистическом, медийном полях.

В общем плане ценностные ориентации в структуре сибирской идентичности создают набор потенциальных возможностей для самоидентификации сибиряков и формируют осознание принадлежности к Сибирскому региону. «Сибирскость» как ценность обнаруживает, проявляет себя, будучи сконструирована на основе разных контекстов. Внимание к вариативным контекстам выстраивания этого осознания является аналитической стратегией в рамках конструктивистского подхода, позволяя представить осознание региональной принадлежности как динамичный и структурированный процесс, где возникает множество образов своей идентичности.

Отмечается, что на уровне прикладных исследований региональная идентификация сибиряков рассматривается в основном как принадлежность к определенному территориальному сообществу и сибирской территории. Суждение «я - сибиряк», однако, не выявляет специфики собственно «сибирского» и требует дальнейшего развертывания в рамках философии культуры. Во-первых, на современном этапе это суждение может быть не связано напрямую с территориальным измерением идентичности; во-вторых, является «минимальным» теоретическим конструктом и в процессе наррации дополняется новыми смыслами.

Опираясь на обыденный, научный, художественный дискурс о Сибири и сибиряках, возможно эксплицировать те нюансы значения «сибирскости», которые имеют отношение к одноименному образу, но могут не относиться к социологическим и этнологическим моделям сибирской идентичности. Инвариантное число смысловых контекстов (конструктов), являющихся ценностно-размеченными и образующими специфику «сибирского дискурса», включает в себя:

– осознание уникальности природно-климатических и топонимических условий Сибирского региона. На уровне обыденного и художественного дискурса это осознание, как правило, сопровождается устойчивой корреляцией образа Сибири, с одной стороны, с зоной «холода», «мороза» и «тайги», с другой стороны, – с неравномерностью климатических условий, масштабностью территории, духом относительной свободы и «оторванностью» от Центра;

– значимость переселенческого и этнокультурного контекста Сибирского региона, сложившегося исторически и ведущего к появлению у сибиряков склонности к номадизму и мобильности, а также навыков, связанных с освоением и преобразованием среды, умением жить в социально и этнически разнородном обществе;

– значимость исторических ценностей и нарративов, связанных с историческими деятелями, периодами, событиями, памятными местами региона. Историческая память сибирской региональной общности включает в себя широкий диапазон образов досоветского и советского периода, обрастающих мифологическими сюжетами (образ Чингисхана, Ермака, ссыльных декабристов, строительство Транссибирской магистрали, БАМа и др.). Отмечается, что выражением исторической памяти сибиряков в современной культуре часто служат «ностальгические рассказы» о советском прошлом, символы освоения Сибири и многочисленные «места памяти» (П. Нора) – музеи, памятники, военные мемориалы, святыни, внутригородские природные объекты и т.д.;

– ценность ментально-психологических качеств сибиряков, рождающая миф об особом «сибирском характере» с его амбивалентными чертами «героического» (например, способностью преодолевать морозы и расстояния), «пассионарного» (включающего в себя черты «маскулинности», активности, предприимчивости и целеустремленности) и «маргинального» (черты регионального типа, расположенного «между мирами, культурами, социальными порядками»). Делается вывод, что сибирский характер сохраняет в себе известную противоречивость русского национального характера.

Показано, что репрезентация ценностей в структуре сибирской идентичности осуществляется в современной культуре по-разному: от их полного отрицания и индифферентного к ним отношения до сознательного выделения и подчеркивания «сакральных» ценностей в практике брендинга сибирских территорий. На индивидуальном уровне актуализация ценностной самоидентификации «сибиряк» происходит чаще всего в контексте осознаваемой дифференциации между Европейской Россией и Зауральем, а также в ситуациях, связанных с путешествием, переездом, встречей земляков, в ситуациях общения с «не-сибиряками».

В целом, с одной стороны, выявление ценностных оснований сибирской идентичности позволяет рассматривать региональное сообщество сибиряков как целостную культурно-самобытную региональную группу, с

другой стороны, – региональные ценности лежат в основе осознания личной ответственности за судьбу региона и его обустройство.

В четвертом параграфе «Чувство места» в Сибири: чувственно-эмоциональный компонент сибирской идентичности» речь идет о характере и особенностях эмоциональной привязанности сибиряков к своему региону.

Отмечается, что эмоциональная привязанность к региону выступает в качестве важнейшего способа конструирования региональной образности и оказывается более эффективным инструментом формирования личных впечатлений географического образа территории по сравнению с политическими и научными ее конструкциями. В эмоциональном восприятии территории воспроизводится целый блок ощущений, связанных с противопоставлением и оценением «мы-они», восприятием мест региона как позитивных и негативных, «мистических», эстетическим удовольствием от места проживания, переживанием связи со своей территории через травму, чувство вины, ностальгии и т.п.

Связь с сибирским регионом в эмоциональном плане, с одной стороны, может проявляться в форме присвоения пространства (это – *мой* регион), с другой – в форме идентификации (я – *отсюда*). Первый тип такого отношения, формирующийся через личный опыт познания Сибири, и деятельность, с ней связанную, можно выразить через понятие «чувство места». Второй тип отношения связан с нейтральным восприятием территории своего проживания. Отмечается, что в современной культуре Сибирь также часто воспринимается в качестве «ресурса», как место краткосрочного пребывания с личными практическими целями.

Длительный период проживания в Сибири обуславливает общее снижение эмоционального восприятия региона, приводит к оцениванию его как непримечательного и визуально обыденного. Актуализации «чувства места» в Сибири способствуют столкновение с *Другими* (переселенцами, «бюрократическим центром», «временщиками», мигрантами и т.п.) и совместная деятельность в рамках региона.

Обращаясь к смыслам, конституирующим «чувство места» в Сибири, следует отметить, что в современной культуре они являются теоретически нагруженными. Опыт переживания регионального пространства, в том числе сибирского, опосредован текстовыми и визуальными источниками. В этом плане эмоциональное восприятие Сибири на современном этапе формируется уже не только личным опытом проживания в регионе, сколько конструируется и поддерживается посредством мифологического, религиозного и художественного дискурса.

В общественном сознании Сибирь, как эмоционально значимое пространство, вычленяется через сложную гамму чувств. Во-первых, это чувство эмоциональной солидарности, основанное на противопоставлении Сибирского региона Европейской России и сопровождающееся чувством региональной социально-экономической ущемленности. Исторически это

противопоставление эксплицируется в следующих параллелях: сибирские старожилы – «россейские», Сибирь – Центр, сибиряки – «временщики», «мигранты». Во-вторых, это чувство «конкурирующего локализма», проявляющееся в соперничестве, с одной стороны, между сибирскими городами (например, за обладание статусом «столичности»), с другой, – между Сибирью и соседними регионами. В-третьих, это чувство гордости и любви по отношению к сибирским природным объектам. Отмечается, что большую роль в конструировании эмоционального восприятия сибирской природы и природных достопримечательностей Сибири сыграли литературные тексты и кинематографические нарративы художественного и документального плана, оформившиеся в особый «сибирский текст». В-четвертых, позитивное эмоциональное восприятие Сибири как у самих жителей региона, так и его внешних наблюдателей, складывается через восприятие ее как духовного центра («страны Беловодья», «места изобилия и праведности» и т.п.). Территория Сибири осмысливается здесь в терминах сакральной географии, а для конструирования образа Сибири как особого духовного пространства оказывается важным религиозный дискурс.

Наконец, в сибирской идентичности можно выделить уровень негативных и травматичных переживаний, связанных с определенными историческими периодами и событиями в развитии региона (коллективизация, раскулачивание, насильственное переселение и депортация народов, политическая ссылка, создание лагерей и тюрем, каторжный труд и т.п.). Эмоциональное восприятие Сибири, как «гиблого места», «территории насилия» и «окраины мира» здесь воспроизводится и активно поддерживается в рамках мифологического и художественного дискурса.

Пятый параграф «Поведенческие стратегии сибиряков: регулятивный компонент сибирской идентичности» посвящен рассмотрению поведенческих установок и реакций сибирского регионального социума, репрезентированных в повседневных и перформативных практиках.

Отмечается, что в структуре региональной идентичности регулятивный компонент тесно связан с ценностно-нормативной сферой, является ее следствием. Ценности и нормы группы формируют систему социального взаимодействия, которая включает мотивы, цели, направленность субъектов действия, сами действия, ожидания и оценку. С помощью определенного набора действий, осуществляемой в рамках конкретной территории, становится возможным тождественное переживание событий, схожесть реагирования на возникающие вызовы и усиление региональной идентичности.

При рассмотрении сибирской региональной идентичности можно выделить, с одной стороны, традиционные (сложившиеся исторически) способы формирования практик, с другой стороны, – новые социокультурные практики, связанные с освоением жителями региона

сибирского пространства. Отмечается, что исторически детерминантами ключевых идентификационных практик в Сибири выступали особые природно-климатические условия сибирской территории, ее фронтальный характер, а также способы самоорганизации сибирской общности, сложившиеся в процессе переселения.

Так, особенные природно-климатические условия региона оказали влияние на достаточно большой набор поведенческих практик: от хозяйственной деятельности до способа ношения одежды и этических правил. Маркерами отличия сибирского образа жизни стали: в хозяйственном плане – наличие определенных производственных навыков, в поведенческом – склонность к планированию, рачительность, прагматизм, в дискурсивном – наличие выражений-конструктов («сибирское здоровье», «сибирское гостеприимство» и др.).

Географическая удаленность сибирских территорий, ее «фронтальный характер», а также активное заимствование элементов инородческого быта обусловили появление в сибирской идентичности таких поведенческих реакций, как религиозная индифферентность, преобладание индивидуальных интересов над общественными, стремление к самоизоляции от государства, подчинение локальным правилам и забота об обеспечении безопасности.

Переселенческий характер сибирского сообщества явился основанием для возникновения в региональной идентичности черт социальной активности, предприимчивости и номунизма (стремления проявить себя, решать экзистенциальные вопросы путем передвижения на новое место). Такие широко отмечаемые внешними наблюдателями черты поведения, как сибирская солидарность и коллективизм, с одной стороны, были связаны с вынужденным, зачастую травматически переживаемым, изменением места жительства, с другой, – диктовались необходимостью проживания в суровых природных и бытовых условиях. В диссертации особо отмечается, что мотив обретения «сибирскости», становление сибиряков как отличительного регионального типа часто оказывался ведущим в художественном дискурсе о Сибири, в котором подчеркивался инициационный характер развития «сибирячества» через общее дело.

Новые поведенческие практики в Сибири складываются уже в условиях культуры постмодерна, для которой характерны манипулирование региональной солидарностью и ее внешняя репрезентация, борьба за культурное наследие региона и его коммерциализация, ориентация на восприятие своей территории не только как «малой родины», но и как «пространства потребления», выделение новых субъектов деятельности (туристов, мигрантов, паломников, комьютеров). Эти процессы, с одной стороны, «размывают» специфичность собственно сибирских культурных практик, с другой стороны, – наполняют их новым содержанием и смыслом.

В частности, в современной культуре сибирская солидарность выступает скорее способом публичного заявления общности о себе с целью

признания своей культурной отличительности, может иметь политические коннотации и активно репрезентируется через онлайн среду.

Особую роль в сибирской идентичности на современном этапе играет отношение к историческому наследию, что выражается в существовании коммеморативных практик, необходимых для сохранения и трансляции коллективной памяти (установка памятников, организация музеев, посещение праздников и т.п.). Кажущаяся неутилитарной, такая символическая деятельность, тем не менее, превращается в инструментальную, а будучи коммерчески ориентированной – неожиданно оказывается культуротворческой (делает региональное пространство Сибири менее отчужденным).

В культуре постмодерна Сибирский регион конструируется также как «пространство потребления» посредством появления относительно новых практик туристического «освоения» пространства (например, выбора проведения досуга, отпуска, маршрутов передвижения, избегание посещения определенных мест) и коммерциализации регионального наследия.

Делается вывод о том, что, несмотря на изменчивость идентификационных практик в Сибири, можно говорить о сохранении относительно устойчивой во времени поведенческой нормативности регионального сообщества сибиряков. Она включает в себя активное взаимодействие с природой, заботу об обеспечении своей безопасности, солидарность, номадизм, коммеморативные практики. Сложившиеся нормы и образцы поведения в Сибири выступают как система регулятивов сибирской идентичности, обеспечивающих распространение определенных культурных практик в пределах Сибирского региона.

В **заключении** подводятся итоги исследования, излагаются основные его результаты, намечаются перспективы дальнейшего исследования ситуационной проблематики.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

**Статьи в научных изданиях, входящих в перечень ВАК
Минобрнауки Российской Федерации для опубликования научных
результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:**

1. Головнева, Е. В. Истоки и компоненты этнического самосознания / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. Т. 104. № 3. С. 169 – 175.
2. Головнева, Е. В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения / Е. В. Головнева // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. (39). С. 81 – 88.

3. Головнева, Е. В. Концепт «регион» в контексте теории социального конструктивизма / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 132. № 4. С. 113 – 122.
4. Головнева, Е. В. Многообразие дискурсов региональной идентичности / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. № 1. С. 198 – 203.
5. Головнева, Е. В. Формы дискурсивной репрезентации городской идентичности / Е. В. Головнева // Научный и общественно-политический журнал «Социология власти». 2014. № 2. С. 56 – 64.
6. Головнева, Е. В. Региональная идентичность в культуре постмодерна / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 141. № 3. С. 105 – 112.
7. Головнева, Е. В. Регион как «жизненное пространство» и «производство наследия» / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. Т. 135. № 1. С. 152 – 159.
8. Головнева, Е. В., Шмидт, И. В. Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) / Е. В. Головнева, И. В. Шмидт // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 3 (33). С. 290 – 321.
9. Golovneva, E. V. Inventing the sacred place: the case in Western Siberia / E. V. Golovneva // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № 6. С. 1086 – 1093.
10. Головнева, Е. В. Регион как социальный конструкт / Е. В. Головнева // Социум и власть. 2015. № 6 (56). С. 58 – 63.
11. Головнева, Е. В. Кто такие сибиряки? Конструктивистское прочтение ценностей сибирской идентичности / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. Т. 158. № 11 (4). С. 173 – 183.
12. Головнева, Е. В. Сибирская идентичность как конструкт: к постановке проблемы / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 161. № 12 (1). С. 144 – 153.
13. Головнева, Е. В. Регион: переосмысление понятия в контексте новой пространственной парадигмы / Е. В. Головнева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. №7(81). С. 55 – 57.
14. Головнева, Е. В. Религиозный дискурс региональной идентичности (на примере Сибирского региона) / Е. В. Головнева // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология, религиоведение. 2017. Т. 22. С. 249 – 254.

15. Головнева, Е. В. Региональная идентичность и идентичность региона / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. Т. 12. № 3 (167). С. 182 – 189.

16. Головнева, Е. В. Регулятивный компонент региональной идентичности: стратегии, ориентации и практики в Сибири / Е. В. Головнева // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2017. № 4 (170). С. 144 – 151.

17. Головнева, Е. В. «Сборка региона»: параметры конструирования региональных общностей / Е. В. Головнева // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 114 – 125.

Статьи в периодических изданиях, включенных в международные базы цитирования, учитываемые ВАК:

18. Golovnev, I., Golovneva, E. The Representation of Childhood in Ethnographic Films of Siberian Indigenous Peoples. The Case of the Documentary Film Malen`kaya Katerina / I. Golovnev, E. Golovneva // Sibirica. Journal of Siberian Studies. 2016. № 15 (3). P. 83 – 106. (Scopus, WoS)

19. Головнев И. А., Головнева Е. В. «Сибирь Советская: образ региона в культурфильме Александра Литвинова / И. А. Головнев, Е. В. Головнева // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 57 – 82. (Scopus)

20. Головнева Е. В. Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) / Е. В. Головнева // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 43 – 51. (Scopus)

21. Головнев И. А., Головнева Е. В. Дальний Восток в фильмах А. Литвинова: конструирование образа пространства / И. А. Головнев, Е. В. Головнева // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 1. С. 109 – 124. (Scopus, WoS)

22. Головнева Е. В. «Чувство места» в Сибири: эмоциональный компонент сибирской идентичности / Е. В. Головнева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 17 – 26. (WoS)

Публикации в других научных изданиях:

23. Головнева, Е. В. Региональная идентичность как форма региональной идентичности и ее структура / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 42 – 50.

24. Головнева, Е. В. Структура региональной идентичности / Е. В. Головнева // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. 2014. № 7. С. 44 – 50.

25. Головнева, Е. В. Проблематизация концепта «регион» в современных научных исследованиях / Е. В. Головнева // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2014. № 5. С. 56 – 61.
26. Головнева, Е. В. Понятийные образы концепта «регион» в академическом дискурсе / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 4. С. 42 – 50.
27. Головнева, Е. В. Социальный конструктивизм и значение материального в экспликации понятия «регион» / Е. В. Головнева // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 1. С. 120 – 128.
28. Головнева, Е. В. Регион как «текст»: репрезентативная характеристика феномена / Е. В. Головнева // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования. XVIII Международная научная конференция памяти проф. Л. Н. Когана. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 98 – 105.
29. Головнева, Е. В. Мифологическое в формировании региональной идентичности / Е. В. Головнева // Визуальные образы современной культуры. «Нестолничная» культура: визуальные маркеры региональной идентичности. Материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Омск: ОмГУ, 2015. С. 19 – 24.
30. Головнева, Е. В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации / Е. В. Головнева // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 211 – 220.
31. Головнева, Е. В., Головнев, И. А. Визуализация региона средствами кинематографа (на примере «Киноатласа СССР») / Е. В. Головнева, И. А. Головнев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 153. № 22 (3). С. 146 – 151.
32. Головнева, Е. В. Ценностные основания развития региональных сообществ / Е. В. Головнева // Культурологические чтения – 2016. Материалы Международной науч.-практ. конф. Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 46 – 52.
33. Головнева, Е. В., Головнев, И. А. Образ Сибири в кинематографическом нарративе: конструктивистский подход / Е. В. Головнева, И. А. Головнев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 159. № 23 (1). С. 114 – 123.